

М.К. Чуркин*

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДЕЛО
ВО ВЛАСТНОМ ДИСКУРСЕ И ПРАКТИКАХ
РОССИЙСКОГО ЦИВИЛИЗАТОРСТВА В ТУРКЕСТАНСКОМ
КРАЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-4
УДК 338.431:94(571)

Выходные данные для цитирования:

Чуркин М.К. Переселенческое дело во властном дискурсе и практиках
российского цивилизаторства в Туркестанском крае (вторая половина XIX –
начало XX века) // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 40–45.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-04.pdf>

М.К. Churkin*

THE CASE OF RESETTLEMENT
IN THE DISCOURSE OF POWER AND PRACTICES
OF RUSSIAN CIVILIZATION IN THE TURKESTAN REGION
(SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-4

How to cite:

Churkin M.K. The Case of Resettlement in the Discourse of Power and Practices
of Russian Civilization in the Turkestan Region (Second Half of the 19th –
Early 20th Centuries) // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 40–45.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-04.pdf>]

Abstract. The article, based on the discourse of imperial experts – direct participants and eyewitnesses of the resettlement case in the Turkestan region in the second half of the 19th – early 20th centuries, evaluates the approaches and practices of the Russian bureaucracy to the organization of the settlement, arrangement, economic activity of agrarian migrants from European Russia in the region. It has been established that the ideas of the imperial authorities about the integration of the territories of Central Asia, the formulation and implementation of the principles of population policy, were determined by the awareness of the special civilizing mission of the Russian people on the outskirts, marked as “Russia’s own East”. In this regard, agrarian migrations of the Russian peasantry to the Turkestan region, along with Russification projects in the field of public education, were considered an important tool for cultural alignment and imperial incorporation of the region into the all-Russian space. The ideological background played a significant role in constructing the discourse of the resettlement case in Turkestan as a civilizing mission: the Russian Empire, being a dynasty, conveyed to society the concept of the personal nature of the political power of the emperor, who delegated part of his powers to the regional administration in the east of the country. Thus, the highest provincial authorities, in many ways independently and authoritarily, determined the choice of scenarios for organizing the resettlement case, initially guided by the widespread beliefs among conservative elites in the high cultural potential of Russian farmers – Cossacks and peasants. Such an approach, in the context of a long-term absence or uncertainty of legal norms for the resettlement and settlement of peasants in the Turkestan region, the presence of controversial issues of land use of the nomadic and sedentary population, led to a serious imbalance in solving the agrarian issue in Central Asia. The agrarian crisis in the center of the country, the growth of unauthorized resettlements, and the amorphous nature of the colonization fund in peripheral regions have reoriented the discourse and practices of the authorities from developing long-term resettlement tasks to hasty and ill-considered decisions of a short-term nature.

Keywords: Turkestan region, resettlement case, power discourse, imperial bureaucracy, peasantry, Cossacks, indigenous population public sphere.

* **Михаил Константинович Чуркин**, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Mikhail Konstantinovich Churkin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

The article has been received by the editor on 29.06.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На материалах дискурса имперских экспертов – непосредственных участников и очевидцев переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX в. оцениваются подходы и практики российской бюрократии к организации водворения, обустройства, хозяйственной деятельности аграрных мигрантов из Европейской России в регионе. Установлено, что представления имперской власти об интеграции территорий Центральной Азии, формулировании и реализации принципов политики населения определялись осознанием особой цивилизаторской миссии русского народа на окраинах, маркируемых как «собственный восток России». В этой связи аграрные миграции российского крестьянства в Туркестанский край наряду с русификаторскими проектами в сфере народного образования рассматривались как важный инструмент культурного выравнивания и имперской инкорпорации региона в общероссийское пространство. Знаковую функцию в конструировании дискурса переселенческого дела в Туркестане как цивилизаторской миссии выполнял идеологический фон: Российская империя, являясь государством-династией, транслировала обществу понятие о личном характере политической власти императора, делегировавшего на востоке страны часть своих полномочий региональной администрации. Таким образом, высшее губернское начальство во многом самостоятельно и авторитарно определяло выбор сценариев организации переселенческого дела, изначально руководствуясь широко распространенными среди консервативных элит убеждениями в высоком культуртрегерском потенциале российских землепашцев – казаков и крестьян. Подобный подход в условиях длительного отсутствия или неопределенности правовых норм переселений и водворения крестьянства в Туркестанском крае, наличия спорных вопросов землепользования кочевого и оседлого населения привел к серьезному дисбалансу в решении аграрного вопроса в Центральной Азии. Аграрный кризис в центре страны, рост самовольных переселений, аморфность колонизационного фонда в периферийных регионах переориентировали дискурс и практики власти от разработки рассчитанных на долгую перспективу задач переселенческого дела к скоропалительным и непродуманным решениям сиюминутного характера.

Ключевые слова: Туркестанский край, переселенческое дело, властный дискурс, имперская бюрократия, крестьянство, казачество, коренное население.

Статья поступила в редакцию 29.06.2025 г.

Российская колонизация Туркестанского края, прологом к которой в историографии принято считать взятие Ташкента русской армией под начальством генерал-майора М.Г. Черныяева в 1865 г. и образование в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства¹, стала органичным воплощением долгосрочного имперского дискурса, в границах которого вопросы обоснования территориальной экспансии и оправдания практик «освоения» культурного пространства с опорой на тезис о моральном превосходстве колонизаторов являлись приоритетными.

Как утверждает М. Ходорковский, важной составляющей российского цивилизаторства являлась сельскохозяйственная обработка земли как необходимое условие перевода

¹ Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М, 2016; Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XI–XX вв. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638; Цыряпкина Ю.Н. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 5. С. 1625–1641.

кочевников-номадов в оседлое состояние². В данном плане принимающая этнокультурная среда как формат организации переселений крестьянства Европейской России в Туркестан оценивалась имперской властью в контексте политики населения и учитывалась уже в 1860–1870-х гг., когда понятие «переселенческая политика» отсутствовало даже в отношении регионов активного распространения аграрных мигрантов (Тобольская, Томская губернии). Военный губернатор Ферганской области Г.А. Покотило в докладе по переселенческому вопросу Туркестанскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову отмечал, что в стартовый период завоевания Туркестана, когда край во многих отношениях был не устроен, вся политика правительства сводилась к тому, чтобы связь окраины с империей строить на чувстве довольства туземцев русской властью: «...в этом духе в дальнейшем велись и все поземельно-податные работы»³.

Стремление к «умиротворению» коренного населения в системе координат переселенческого дела соотносилось с отсутствием четкой организационной модели в водворении и обустройстве переселенцев, которое, по мнению имперских экспертов, производилось всецело по усмотрению областной и уездной администраций, став основанием переселенческого дела при первых туркестанских генерал-губернаторах – К.П. фон Кауфмане (1867–1882 гг.) и М.Г. Черняеве (1882–1884 гг.)⁴.

Личная позиция А.П. фон Кауфмана в отношении колонизации региона, знаковым сегментом которой являлись крестьянские переселения, основывалась на неудачном опыте активной русификации и христианизации иноэтничного населения Северо-Западного края Российской империи. В условиях Туркестана, в границах которого преобладало нерусское население, исповедовавшее ислам, Кауфман взял на вооружение модель, озвученную им в одном из первых своих всеподданнейших отчетах, где предметно говорилось о воспитательном значении русской колонизации при условии улучшения устройства казачьих и крестьянских поселков⁵.

Администрация Туркестанского края в лице генерал-губернаторской власти в период с 1867 по 1884 г. придерживалась тактики «мягкой» русификации, при этом основными инструментами политики социокультурной инкорпорации коренного населения признавались образовательные практики и распространение российского аграрного опыта. Примечательно, что деятельность в сфере народного образования осуществлялась довольно интенсивными темпами, что выразилось в активном обсуждении задач и перспектив образовательного дела совместными усилиями власти и общества, тогда как вопросы крестьянских переселений в Туркестан не были предметом последовательного обсуждения и нормативно-правовой кодификации.

Современники русской колонизации Туркестанского края усматривали определенный диссонанс между представлениями первых администраторов региона о распространении российского земледельческого опыта и правовой регламентацией переселенческого дела. Указывалось, что стремление туркестанских администраторов учитывать экономические и культурные интересы местного кочевого (киргизы) и оседлого (сарты) населения фактически сводилось к минимуму в ситуации отсутствия переселенческого законодательства и ставки на исключительно русский элемент при организации переселенческих поселков⁶. Очевидно, что негласная установка, сообразно с которой земледельческие поселения в пригодных для аграрного хозяйства районах Сыр-Дарьинской и Ферганской областей должны быть составлены из этнически русского населения, привела к негативным результатам. Согласно статистическим данным, к концу 1870-х гг. в переселенческих поселках Сыр-Дарьинской области числилось лишь около 2 000 душ крестьян-переселенцев, из кото-

² Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. С. 10.

³ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 58.

⁴ Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская): Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб., 1911. С. 157–158.

⁵ Иванов А.И. Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб., 1890. С. 229.

⁶ Там же. С. 231–232.

рых собственно крестьян насчитывалось не более 200 человек, а остальные жители представлены нижними чинами, казачеством, крестьянами, приписанными в городах к мещанскому сословию⁷.

Свидетельством в пользу неэффективности переселенческой деятельности в формате идеологии «русского дела» являются выводы самого А.П. фон Кауфмана, пришедшего к заключению, что так называемые колонизаторы (казаки, отставные нижние чины, мещане) в лучшем случае превращались в кулаков-арендаторов, а в худшем – «в жалких лентяев и пропойц»⁸. Участники переселенческого дела в Туркестане с горечью констатировали и факт преобладания в неорганизованном переселенческом потоке лиц, мало пригодных для реализации в регионе принципов политики формирования «большой русской нации», полагая, например, что «...состав самовольных переселенцев в Кугарт – всевозможный сброд из разных областей и губерний, а вместе с переселенцами-хлебопашцами понабрело много разных неудачников, совершенно отвыкших от земледельческого труда»⁹.

Перемены в организации переселенческого дела, повлекшие за собой некоторые сдвиги в решении этнических вопросов колонизации Туркестанского края, наметились только во второй половине 1880-х гг. В 1886 г. были изданы правила водворения переселенцев в Туркестане – «Положение об управлении Туркестанского края 12 июля 1886 г.», не получившие широкой огласки¹⁰, но легитимировавшие политику «русского дела», провозгласив право переселяться в Туркестан исключительно русскому населению христианского вероисповедания¹¹.

Принятие правил было обусловлено не намерениями власти поставить дело крестьянских переселений в Туркестанский край на широкую государственную платформу, поскольку во властных кругах отношение к переселениям крестьян Европейской России в регионы азиатской периферии было сдержанно отрицательным, а необходимостью урегулирования текущих поземельных отношений кочевого, оседлого (инородческого) и русского крестьянского элемента, мигрировавшего в Туркестан самовольно. Отсутствие специальных учреждений для контроля за водворением переселенцев, хаотичность ссудной практики крестьянских хозяйств регулярно стимулировали конфликты между самовольными переселенцами и коренными обитателями края, о чем свидетельствуют докладные записки, составленные чиновниками особых поручений¹².

Кроме того, в 1880-х гг. в российском общественно-политическом дискурсе одним из ключевых являлся вопрос о культуртрегерском и колонизационном потенциале русского крестьянства, миграционную активность которого в пореформенный период многие эксперты определяли как «бегство от культуры», что выражалось в простом переносе моделей экономической деятельности в новые жизненные обстоятельства и консервации традиционного хозяйственного уклада¹³. Риторика недееспособности и культурной слабости русского крестьянства была широко разлита в текстах участников переселенческого дела в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв. (А.А. Кауфман, А.И. Иванов и др.), полагавших, что причины низкой продуктивности крестьянского элемента в колонизации края следует искать не в неблагоприятных условиях местной природы, а «исключительно в своеобразном подборе самих переселенцев»¹⁴. Скепсис организаторов переселенческого дела в Туркестанском крае по отношению к русскому крестьянству сохранялся и в последующие

⁷ Иванов А.И. Русская колонизация в Туркестанском крае... С. 233.

⁸ Там же.

⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 64.

¹⁰ Переселенческое дело в Туркестане: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной графом К.К. Паленом. СПб., 1910. С. 2.

¹¹ Там же. С. 3.

¹² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 58.

¹³ Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891. С. 3; Кауфман А.А. Агрономическая помощь в России. Историко-статистический очерк. Самара, 1915.

¹⁴ К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: Отчет члена ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб., 1903. С. 7.

годы, о чем предметно сообщали в своих отчетах представители военной администрации в 1908–1909 гг.¹⁵

В целом, несмотря на количественный прирост переселенческого движения и число образованных русских поселков, отмечаемое в отчетах правительственных чиновников, к началу XX в. корневая политическая задача русификации, предполагавшая культурную гомогенизацию населения средствами образования и аграрных переселений крестьян-мигрантов из европейской части страны, оказалась нерешенной. К 1905 г. в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях, входивших в ареал российской земледельческой колонизации, собственно русского населения насчитывалось 3,5 %, 0,4, 1,5 % от общего числа жителей соответственно¹⁶. Организация русских поселков в Туркестанском крае по большей части являлась производным инициативы и личных решений местных администраций (генерал-губернаторов и их подчиненных), с одной стороны, сознававших необходимость заселения территорий региона русским элементом, с другой – стремившихся поддержать преобладавшие численно и перешедшие к оседлости группы коренного населения, предоставляя им земельные наделы, что приводило к резкому сокращению колониального фонда.

Необходимо также отметить, что стремление имперской власти к формированию однородного в культурном отношении пространства имело свои естественные пределы, поскольку создание однородной социокультурной среды означало бы исчезновение самой империи, ее окончательную трансформацию в национальное государство с отказом от практик доминирования и принуждения. На рубеже XIX–XX вв. в политике населения России на восточных окраинах, в том числе и в Туркестанском крае, все отчетливее начинает проявляться тенденция к установлению дистанции между «человеком власти и культуры» – имперской администрацией и локальными сообществами региона: российскими переселенцами, оседлыми и кочевыми группами коренного населения, составлявшими разряд подчиненных – колониальных субалтернов.

Литература

Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М.: Кучково поле, 2016. 880 с.

Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638.

Иванов А.И. Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1890. С. 226–244.

Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: А.Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.

К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: Отчет члена ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1903. 205 с.

Кауфман А.А. Агрономическая помощь в России. Историко-статистический очерк. Самара: Тип. губ. земства, 1915. 32 с.

Переселенческое дело в Туркестане: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной графом К.К. Паленом. СПб.: Сенатская тип., 1910. 429 с.

Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская): Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершуни, 1911. 336 с.

Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

¹⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1305. Л. 89–99; ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 748. Л. 90–95.

¹⁶ Переселенческое дело в Туркестане... С. 96.

Цыряпкина Ю.Н. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1625–1641.

References

Abashin, S.N. (2016). *Turkestan v imperской politike Rossii: monografiya v dokumentakh* [Turkestan in the Imperial Policy of Russia: A Monograph in Documents]. Moscow, Kuchkovo pole. 880 p.

Brezhneva, S.N. (2018). Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoy politike Rossiyskoy imperii v Turkestane na rubezhe XIX–XX vv. [Reflection of the idea of Acculturation in the Resettlement Policy of the Russian Empire in Turkestan at the Turn of the 19th–20th Centuries]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 17, No. 3, pp. 608–638.

Gavrilov, N. (1911). *Pereselencheskoe delo v Turkestanskom krae (oblasti Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya, Ferganskaya): Otchet po sluzhebnoy poezdke v Turkestan osen'yu 1910 g. chinovnika osobykh porucheniy pri Pereselencheskom upravlenii N. Gavrilova* [The Migration Case in the Turkestan Region (Syr Darya, Samarkand, Fergana Regions): Report on the Official Trip to Turkestan in the Autumn of 1910 by N. Gavrilov, an Official on Special Assignments at the Migration Directorate]. St. Petersburg, Tipografiya F. Vaysberga i P. Gershuni. 336 p.

Hodarkovskiy, M. (2019). *Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800* [The Steppe Frontiers of Russia: How the Colonial Empire Was Created. 1500–1800]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 352 p.

Isaev, A.A. (1891). *Pereseleniya v russkom narodnom hozyaystve* [Resettlements in the Russian National Economy]. St. Petersburg, A.F. Cinzerling. 192 p.

Ivanov, A.I. (1890). *Russkaya kolonizatsiya v Turkestanskom krae* [Russian Colonization in the Turkestan Region]. St. Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”, pp. 226–244.

Kaufman, A.A. (1903). *K voprosu o russkoy kolonizatsii Turkestanskogo kraya: Otchet chlena uchenogo komiteta Ministerstva zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv A.A. Kaufmana po komandirovke letom 1903 g.* [On the Issue of Russian Colonization of the Turkestan Region: Report of the Member of the Scientific Committee of the Ministry of Agriculture and State Property A.A. Kaufman on a Business Trip in the Summer of 1903]. St. Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma. 205 p.

Kaufman, A.A. (1915). *Agronomicheskaya pomoshch' v Rossii. Istoriko-statisticheskii ocherk* [Agronomic Assistance in Russia. Historical and Statistical Essay]. Samara, Tipografiya gubernskogo zemstva. 32 p.

Palen, K.K. (1910). *Pereselencheskoe delo v Turkestane: Otchet po revizii Turkestanskogo kraya, proizvedennoy grafom K.K. Palenom* [The Resettlement Case in Turkestan: Report on the Revision of the Turkestan Region, Carried Out by Count K.K. Palen]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya. 429 p.

Tsyryapkina, Yu.N. (2022). “Bor'ba za russkoe delo”: imperская kolonizatsiya Turkestana [“The Struggle for the Russian Cause”: Imperial Colonization of Turkestan]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, No. 5, pp. 1625–1641.